

На волнах полонеза Огинского

Полонез «Прощание с родиной» — произведение, известное каждому белорусу. Его автору, Михалу Клеофасу Огинскому, исполняется 250 лет со дня рождения — юбилей, внесенный в список памятных дат ЮНЕСКО. К этой дате в Беларуси приурочены самые разные культурные проекты. В издательстве «Четыре четверти» таких проектов несколько. Завершена двухлетняя подготовка мемуаров Огинского, они увидели свет, переизданы книги потомков князя — Анджея Залуского «Время и музыка Михала Клеофаса Огинского» и Иво Залуского «Ген Огинского», издана партитура оперы Олега Залетнева «Михал Клеофас Агінскі. Невядомы партрэт».

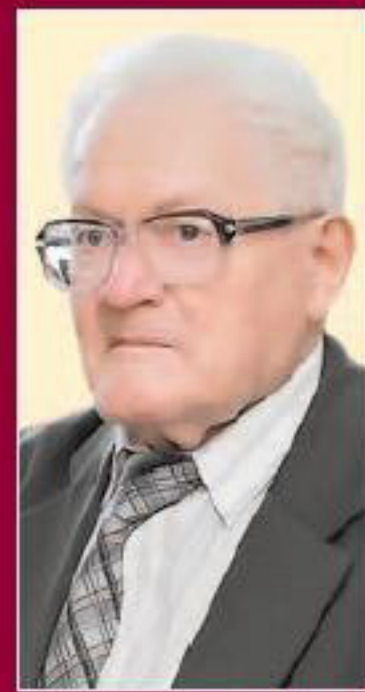
Не случайно о месте композитора в нашей истории мы собрались поговорить в издательстве «Четыре четверти». В разговоре приняли участие директор издательства Лилиана Анцух, профессор Адам Мальдис, бывший посол по особым поручениям Министерства иностранных дел Владимир Счастный, кандидат искусствоведения Светлана Немогай, литературный редактор Александр Соломевич и Елена Чижевская — переводчик.

«СБ»: Чем примечательно это издание мемуаров Михала Клеофаса Огинского?

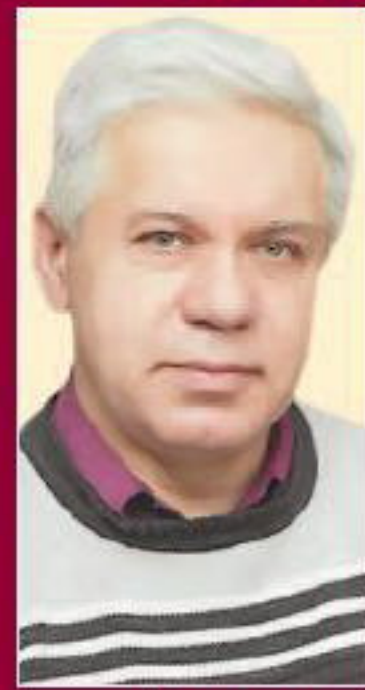
Л.Анцух: Впервые русскоговорящее население многих стран получило возможность их практически в полном объеме прочесть. Мемуары опубликованы в 1826 году в 4 томах на французском языке еще при жизни автора. Мы в своем издании объединили по два тома в один. Литовцы, кстати, уложили эти мемуары в три тома, в Швейцарии когда-то они вышли тоже в трех томах. Планируем издать и на белорусском, но уже с привлечением исследователей-историков, как научно-популярное издание. Надеемся, нас поддержат, в том числе Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО.

В.Счастный: Впервые эти мемуары я увидел в Нью-Йорке в публичной библиотеке. Думал, что редкое издание 1826 года только там и есть. Но выяснилось, что и в нашей Национальной библиотеке оно присутствует, правда, им мало кто пользовался, потому что оно на французском, канцелярском языке Ре-

чи Посполитой. А когда я начал свою дипломатическую работу в Лондоне, познакомился с Иво Залуским, прапраправнуком Михала Клеофаса Огинского, чья дочь Амелия вышла замуж за Теофила Залуского. Спасаясь от нацистов, Залуские переехали в Великобританию. Иво — преподаватель музыки и пианист, часто выступал с концертами, исполняя музыку не только Михала Клеофаса, но и других Огинских. Познакомился я и с братом Иво, Анджеем Залуским, тоже преподавателем музыки, который на то время уже написал книгу «Время и музыка Михала Клеофаса Огинского». Я помог Анджею приехать в Бела-

Адам Мальдис.

Александр Соломевич.

Владимир Счастный.

Лилиана Анцух.

Светлана Немогай.

Елена Чижевская.

ФОТО АЛЕКСАНДРА КУЛЕВСКОГО. «СБ».

возник замысел переиздать их книги. В новом издании Иво по нашей просьбе уточнил генеалогическое древо, добавил новые материалы. Искусствоведы Ольга Дадимова и Светлана Немогай написали вводные статьи. В книге Анджея пополнилась библиография, в небольшом эссе я рассказала о людях, которые внесли свой вклад в возвращение Огинского в Беларусь.

С.Немогай: Если первые издания Иво и Анджея Залуских — это начало пути осмысления, что Михал Клеофас Огинский и творчество его потомков принадлежат и нашему культурному наследию, то второе издание этих книг можно рассматривать как результат этого осмысления. Такие личности символизируют наше единство с европейской культурой. (Огинский связывает нас с пространством Моцарта, Гайдна, с которыми, кстати, был лично знаком. При этом он осознавал, что именно Беларусь, в летописях: называемая Литвой, родина его предков. На страницах третьего тома мемуаров есть признание в любви к нашей земле. Не зря же Огинский уехал из Варшавы и построил себе новый дом в Залесье. Он заложил основы образовательной системы в Молодечно, помогал Виленскому университету, обсуждал проект об освобождении крестьян. Не говоря о том, что именно Огинскому принадлежит проект объединения западных губерний в некое подобие Великого княжества Литовского, правда, уже под протекторатом России. К сожалению, этому проек-

ту не суждено было осуществиться. Александр I отказался от либеральных взглядов после Венского конгресса.

А.Мальдис: Это разочарование и подтолкнуло Огинского бросить Залесье и переехать в Италию.

С.Немогай: Книга Анджея Залуского освещает в основном политическую деятельность Огинского, а книга Иво «Ген Огинского» проливает свет на феномен музыкальности этого рода. В Европе были, конечно, музыкальные династии вроде Бахов, но они принадлежали к среднему классу, к цеху музыкантов. А когда в аристократическом роду передается музыкальный ген — явление уникальное.

«СБ»: Какова аудитория книг об Огинском? Будут ли они интересны неспециалисту?

Л.Анцух: Ни одна из этих книг не предназначена только для специалистов. И в книге Анджея Залуского большое внимание уделено личной жизни Михала Клеофаса, его судьбе как дипломата. Иво Залуский уделяет внимание династии Огинских.

С.Немогай: Авторы рассказывают о внебрачных детях Огинских, о чудаковатых персонах, встречающихся в роде, об интересных фактах. Например, Адам Осташевский из Огинских первым в истории Польши построил аэроплан. Казимир Осташевский женился на внебрачной дочери российского императора Александра III. Сын Михала Клеофаса Ирениуш Огинский женился на Ольге Калиновской, фрейлине Александра II, и его внук Богдан Огинский — копия Александра II. Такие семейные тайны Иво и Анджея Залуские раскрывают блестяще. А музыкальный ген Огинских по сегодняшний день очень активен. Например, из последнего поколения Лидия, Анна и Зыгмунт Зелинские преподают в Познаньской академии музыки.

Л.Анцух: Что касается мемуаров, там ничего нет о музыке. Там Огинский предстает в другой ипостаси.

А.Соломевич: И это существенно, потому что в глазах наших современников он только создатель полонеза. А в мемуарах тот, кем сам себя считал. Государственный деятель, дипломат... Он жил в бурное время. Принятие Конституции 1791 года, варшавский сейм, наполеоновские войны... Об этом и пишет.

«СБ»: Какие эпизоды мемуаров наиболее вас впечатлили?

А.Соломевич: Для меня очевидны литературные способности автора. При этом писал образованный аристократ, чей стиль непривычен для нас.

С.Немогай: На меня большое впечатление произвело описание войны 1812 года. Огинский был кропотливым историком. Уже после войны собирал сви-

детельства французских офицеров, особенно о «московской зиме». Трагическая картина впечатляет до мурашек по коже. Например, как солдаты были настолько замерзшие, что шли просто в огонь и там сгорали.

А.Соломевич: Он указывает все точно — название полков, количество солдат и коней.

Е.Чижевская: Мне достался для перевода первый том нашего двухтомника. Впечатлил сам герой — видный деятель Речи Посполитой, дипломат, в 24 года посланный в Голландию представителем сейма. Вот он проезжает через революционную Францию, и его записки очень отличаются от романтического образа революции. И если сравнить Огинского как автора первого тома и третьего, видим эволюцию. От молодого успешного аристократа до человека, мыслящего государственными масштабами, мечтающего о восстановлении Великого княжества Литовского.

Л.Анцух: Кроме Елены Антоновны, над переводами мемуаров работали не менее квалифицированные специалисты Владимир Базаров и Леонид Козыро. Благодаря им, надеюсь, читатель получил хороший подарок. К этим томам прилагались записки, мы перевели и их, но издадим позже, в белорусскоязычном варианте.

Е.Чижевская: Первый том немного суховат потому, что там много дипломатических документов. Но самый интересный эпизод, который дает представление о литературных способностях Михала Клеофаса, — это его встреча с Потемкиным в Могилеве. Такой живой язык... Настоящая литература!

С.Немогай: Из мемуаров мы узнаем, как Огинский встречался в Минске с Александром I. На балу в Верхнем городе император говорил с композитором о музыке, а тот оценил его как образованного и либерального монарха.

Л.Анцух: Но проекты в честь Огинского — не только книги! Напомню, что в Залесье, когда исполнялось 245 лет со дня рождения Михала Клеофаса, еще в неотреставрированном здании был поставлен спектакль по пьесе В.Дроздова «Фантазия ля минор». Дроздов — псевдоним Владимира Григорьевича Счастливого, он первый драматург в Беларуси, обратившийся к персоне Огинского.

В.Счастный: Актеры сказали, что никогда им так не игралось... Аура была неповторима.

Л.Анцух: Ну а начиналось все, конечно, с розысков Адама Иосифовича Мальдиса.

А.Мальдис: Лет шестьдесят с лишним назад я работал в Радошковичской районной газете ответственным секретарем и домой, в Островецкий район, добирался через Залесье. И как-то ус-

льшал, как на вокзале старики вспоминали, что в Залесье жил пан, сочинявший музыку. Я своему редактору и говорю, а не может ли так быть, что именно тот Огинский, который считается польским, а то и литовским композитором, жил в Залесье? Начальник сказал: «Ну что вы фантазируете опять! Как мог польский композитор, который родился около Варшавы, жить в Беларуси? Это уже проявление национализма!» И не пустил меня в командировку в Вильнюс, чтобы уточнить. Я съездил во время отпуска. Там и нашел строки Огинского о его Залесье, которое находится неподалеку от Вильно, в направлении Минска. Хотел опубликовать статью об этом в своей газете, но редактор не разрешил, и я дал ее в молодежниченской газете «Красное знамя». Так в 1959 году появилась первая публикация о том, что Михал Клеофас Огинский жил и творил в Беларуси. Это спровоцировало много домыслов. Приехали корреспонденты радио в Залесье, нашли старого пастуха. Тот говорит, помню пана-композитора, когда я маленьким играл в поле на дудке, он подходил, гладил по головке и говорил: «Играй, играй. Это душа народа играет». Я был просто ошеломлен, послушав эту передачу. Это сколько ж лет должно было быть тому пастуху! А московское радио другое придумало. Когда мог Огинский написать свой полонез? Конечно, когда после поражения восстания Костюшко уезжал на Запад. Гремел гром, сверкали молнии, а тут Огинский еще и первый раз в жизни влюбился... Вот и писал о прощании с родиной и любовью...

«СБ»: Очень живучий миф. Но когда-то были и другие, например, что полонез автор написал кровью на стене царского каземата. Литературовед Анатолий Воробей приводит факт: еще при жизни Огинского издали его сочинения с рисунком, как композитор пускает себе пулю в висок. Но вот считали автор полонеза себя профессиональным музыкантом?

Л.Анцух: У меня сложилось впечатление, что он избегал такого определения.

А.Мальдис: Детство его прошло в Слониме, который принадлежал его дяде, великому гетману Михалу Казимиру Огинскому. Там был прекрасный театр, где исполнялась музыка Михала Казимира.

С.Немогай: Нашлись воспоминания доктора Вильгельма Тепшера де Фергюсона, который с Михалом Казимиром встречался в Вене. Доктор конкретно описывает, как тот писал музыку. Требовал, чтобы вначале ему играли Моцарта или Гайдна, затем заявлял, что не только они великие композиторы, но и он. Так и вдохновлялся.

«СБ»: Кстати, в книге Анджея Залуского упоминается, что во время пребывания в Вене Михал Казимир подсказал Гайдну идею оратории «Сотворение мира».

А.Мальдис: Он и стихи писал. Но все посматривали искоса: князь, а занимается несерьезным делом — музыка, поэзия...

«СБ»: Еще и дразнили «гетман-кларнет»...

А.Мальдис: Возможно, это и наложило отпечаток на его племянника, который хотел, чтобы музыку не воспринимали как его основное занятие.

«СБ»: А что же с любовной составляющей мифа?

С.Немогай: Тоже фантазия. Первая жена Огинского уехала с ним в эмиграцию. А вторая

его жена, Мария де Нери, вряд ли могла быть причиной высоких чувств.

А.Мальдис: Писательница Гюнтер из Добровлян приводит вроде быль. Когда Ирениуш, сын Огинского и Марии де Нери, был осужден за казнокрадство, его мать едет в Санкт-Петербург и бросается в ноги влиятельным людям: «Спасайте, гибнет ваша кровь!» И одиннадцать из них побежали к императору в уверенности, что спасают своего сына. Могла ли такая женщина настолько захватить Огинского, чтобы он ревновал, страдал? Нет. Знаете, как Мария де Нери попала в его объятия?

КСТАТИ

Сегодня в музее-усадьбе М.К.Огинского в Залесье проходит Международная научно-практическая конференция «Наследие М.К.Огинского в культуре трех народов». 25 и 26 сентября там состоятся торжественные мероприятия, посвященные 250-летию со дня рождения композитора.

Ее, дочь итальянского гондольера, один литовский шляхтич привез в Вильно...

С.Немогай: Это был Казтан Нагурский, повстанец Костюшко и соратник Михала Клеофаса.

А.Мальдис: Мария дала Михалу Клеофасу ключи от своей виленской квартиры, а затем такие же ключи — виленскому генерал-губернатору, назначив свидание на полчаса позже. И Огинский, которого застали с дамой в компрометирующих обстоятельствах, как человек чести должен был жениться.

«СБ»: Ничего не имею против мифов, популяризирующих историю. Главное, чтобы знали и факты. Чтобы белорусы не были слишком скромными, отдавая все соседям. В прошлом году мы с мужем посетили храм во Флоренции, где похоронен Михал Клеофас Огинский. Гид рассказывала белорусской группе про Микеланджело, Маккиавелли, Галилея, но не упомянула ни словом Огинского. Нужно, чтобы изначально закладывалось: это наше, и мы можем этим гордиться! Посмотри-

те, кто только не называет своим Франциска Скорину, и без всяких оглядок. И у меня вопрос. Как вы считаете, узнаваем ли сегодня в Беларуси Михал Клеофас Огинский?

А.Мальдис: Думаю, узнаваемый образ начинает складываться.

В.Счастливый: Насчет принадлежности. Стоит переходить от понятия «белорусская культура» к понятию «культура Беларуси». Оно включает деятелей любого происхождения, которые тво-

рили тут, оказали влияние на нашу культуру вроде художников Парижской школы.

С.Немогай: Выход «Мемуаров» Огинского — свидетельство, что мы воспринимаем Михала Клеофаса своим, что он входит в наше культурное пространство. Первооткрыватель здесь, конечно, Адам Мальдис. Потом появилась «Песня з Паўночных Афінаў» Владимира Короткевича.

А.Мальдис: Он написал ее под моим влиянием.

С.Немогай: Мифы о полонезе не возникли бы, если бы не существовало Огинского как мифа. В польском интернете мы можем найти, что полонез «Прощание с родиной» был создан в 1794 году, когда Михал Клеофас покидал Речь Посполитую после восстания Костюшко. На белорусских сайтах найдем, что полонез был создан, когда Огинский уезжал из милого сердцу Залесья в далекую Флоренцию. Но полонез, и по стилистике видно, написан значительно позднее.

В.Счастливый: И назывался он не «Прощание с родиной», а «Полонез соль минор».

С.Немогай: Скорее всего, он был создан в 1830-х перед самой смертью композитора. При жизни популярным сделал Огинского другой полонез, фа мажор. Сейчас он нас не впечатляет, обычная салонная штучка.

В.Счастливый: А Петербург в свое время с ума от него сходил!

С.Немогай: Просто вкусы музыкальные изменились. А «Прощание с родиной» совпал с волной романтизма. Эта меланхолия, нежная грусть настолько милы нашей белорусской душе...

А.Мальдис: Как-то Владимир Короткевич спрашивает у меня: «Слухай, стары, дык ты лічыш, што ўсё-ткі Агінскі наш?» Оказывается, из Сморгони приезжали «самадзейнікі» и просили его написать текст к полонезу. Я сказал: «Пішы». Но потом написанное пропало.

«СБ»: Анатолий Воробей нашел два варианта того текста Владимира Короткевича в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа. Уточнив, что в 1965 году, к 200-летию Михала Клеофаса, в Сморгони создали ансамбль его имени, тогда и обратились к Короткевичу. В газете «Голас Радзімы» Воробей привел слова:

*Родны кут, Сморгонскі кут,
Калыска светлая мая,
«Бывай!» — гавораць мне лясы,
Але мяне ад іх не адарваць,
Бо іх з гаротнага майго
не вырваць сэрца.
Родны край, навек бывай,
Шлагбаўма меч над галавой...
І слёзы ў вачах маіх стаяць,
Сінеючы, як плынь святой
маёй Вялі.*

Е.Чижевская: Эта мелодия не может не трогать! Когда-то мне случилось сыграть полонез перед выпускным классом обычной школы — и ученики не сдержали слез.

С.Немогай: Сделано много. Появился памятник Огинскому в Молодечно, доска в его память на стене Молодечненского музыкального училища...

Л.Анцух: А сколько всего происходит в музее-усадьбе в Залесье! Конференции, концерты, балы, спектакли... Мы гордимся, что к началу XXI века в Беларуси вернулись к вопросу увековечения памяти Михала Клеофаса Огинского. Нашим последователям будет гораздо легче, чем нам.

Людмила РУБЛЕВСКАЯ.

rubleuskaja@sb.by

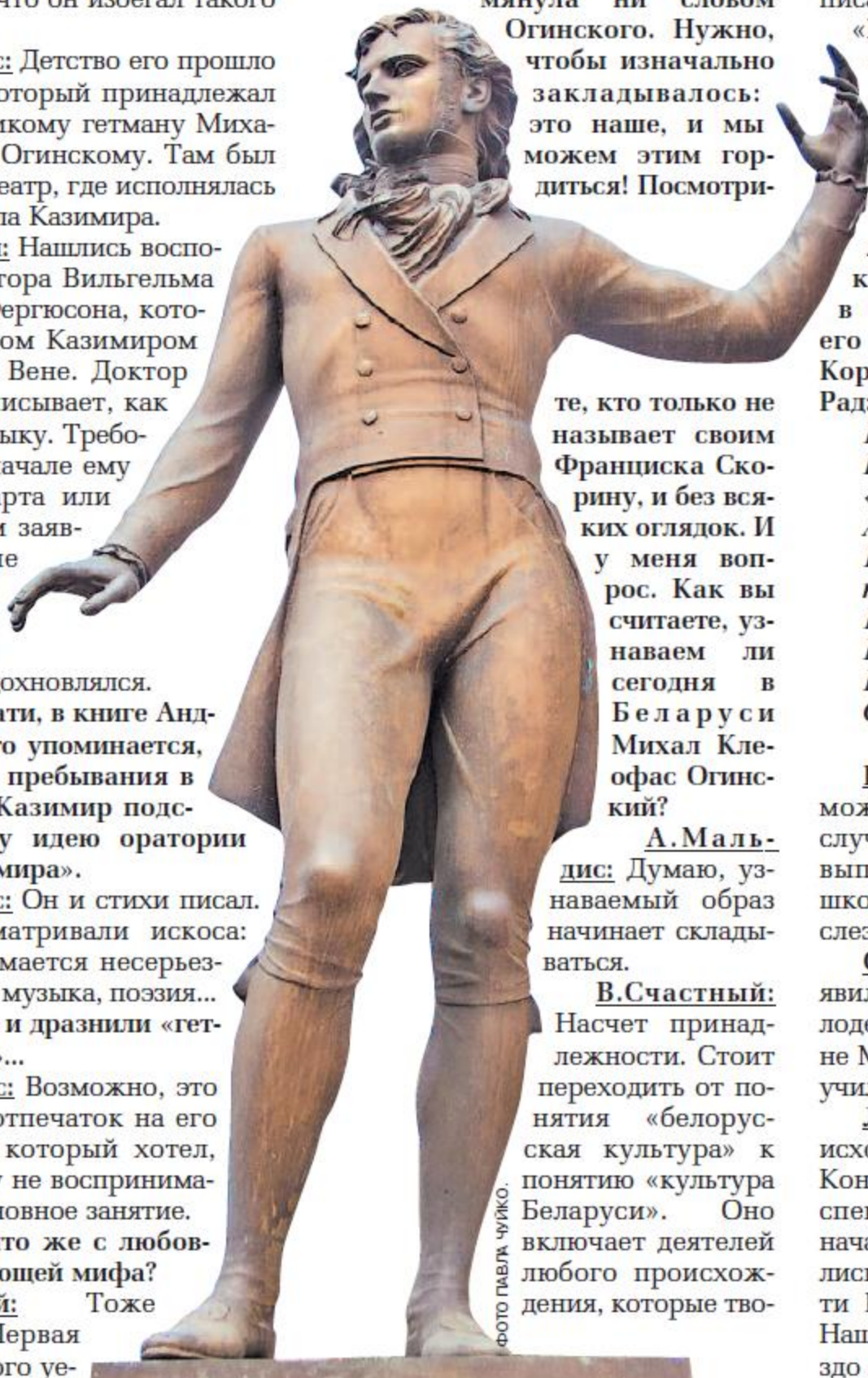

ФОТО ПАВЛА ЧУЙКО